

— ТВОР-
ЧЕСТВО
МОЛОДЫХ

«МОИ ГЕРОИ ВСТУПАЮТ В ЖИЗНЬ...»

ЭТО ПИСЬМО, собственно, и послужило поводом для встречи. Его принесли в редакцию двое ребят ненамного старше Сергея Кротова — главного героя «Истории одной любви». Принесли под впечатлением спектакля Красноярского ТЮЗа. И показали еще свои рисунки. На одном из них глаза влюбленных были как звезды — искристые и большие, по выражению авторов, «две Галактики бесконечной любви».

Долго и внимательно читал это письмо Вадим Райкин — исполнитель роли Сергея, один из ведущих актеров театра.

— Что ж, приятно получать такие отклики, — сказал он чуть погодя. — Любовь — одна из главных тем «Истории...». Впрочем, как и в «Ромео и Джульетте». По-моему, эти спектакли чем-то сродни. Не только молодостью их героев, максимализмом и глобальностью чувств. Ведь как трудно существовать в мире юным влюбленным! У Шекспира против них родители, друзья, условности, само время. А они любят!

У Сергея и Кати в «Истории...» — тоже конфликт с окружающим миром. Но здесь он приобретает качественно иное звучание — взаимоотношения, на первый взгляд, стороны и еще раз подтверждает: да, любовь — социально значима. Это мы и хотели показать.

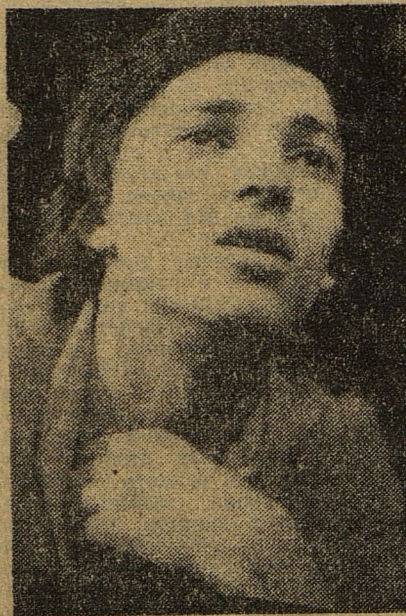
Может быть, такая параллель и не совсем оправдана. Но для меня это стремление докопаться до сути вещей и событий, осмыслить в происходящем свое «я» и перенести его на героя.

С этого — с поисков точек сопереживания героя и его самого — начинается для Вадима работа над ролью.

— Сергей импонирует мне своей целеустремленностью, юношеским максимализмом. Но тот же максимализм, переходящий иногда в элементарное пренебрежение к окружающим, в нем и отталкивает. Если бы он был чуточку осмысленней...

Но главное — то, что близко в персонаже актеру, — найдено. И помогает внести в образ свои ощущения, свой жизненный опыт — стать как бы посредником между пьесой и зрительным залом. Когда это удается — рождается то сопереживание, которое привело в редакцию наших ребят.

А жизненный опыт — он не измеряется внешней насыщенностью биографии. Может быть, даже наоборот. По крайней мере, так получается у Вадима. Он мог бы рассказать о своей жизни на

одной страничке из ученической тетрадки. Школа, любительский драмкружок, Свердловское театральное училище. Красноярский ТЮЗ. Вот, пожалуй, и все. Но...

— Я веду в одной из школ поэтическую студию, — рассказывал он. — Работаем ребятами много и напряженно, а главное — заинтересованно. И они раскрываются передо мной в своих пристрастиях, в своих характерах. У них-то и увидел присущий Сергею максимализм — увидел и попытался перенести на сцену...

А бывает иначе. Как, например, с ролью Ромео. Впервые Вадим «примерил» ее еще в училище. На экзамен по театральному мастерству он подготовил сцену на

балконе. Преподаватель сказал: «Получилось!». А получилось потому, что молодой актер сумел понять своего героя.

И появилась мечта — сыграть Ромео не только в эпизоде. Исподволь готовился к этому четыре года. А когда главный режиссер Красноярского ТЮЗа А. И. Попов предложил попробовать себя в трагедии, стал работать еще напряженнее. Перечитал «Ромео и Джульетту» в разных переводах, «переварил» массу литературы о Шекспире и его времени, подготовил даже — для себя! — композицию по сонетам великого драматурга.

Но как все-таки различен Райкин в этих двух спектаклях! Ромео — с печально опущенным взглядом, полный ожидания чего-то неясного, неотвратимого, и Сергей Кротов — яростно пробегающий по залу к сцене — к борьбе, к утверждению своей любви. И все-таки в главном — актер один и тот же.

— А главным в этих работах был, наверное, разговор о любви. О чувстве, которое поглощает целиком, но не подчиняет рабски. Шекспировские герои идут на смерть — в этом их свобода выбора. Наши современники Сергей и Катя взрослеют на глазах за какие-то считанные дни. Любовь делает из них и других личностей. Можно сказать и наоборот: только сильные способны на настоящее большое чувство. Как в пьесе: «Небесный свод есть только над Джульеттой»...

— Самый большой успех пришел к вам именно в этих ролях. И среди двух десятков других тоже немало похожих на них молодых людей. Это понятно — герои близки вам и по возрасту, и, если хотите, по складу души. Но не мешает ли это в работе? Не боятся ли вы стать актером с ампула, что, согласитесь, иногда мешает проявить свою творческую индивидуальность более широко?

— Нет. Стараюсь попробовать себя и в других ролях. В мюзикле-феерии «Мэри Поппинс» сыграл сразу две — садовника и чудаковатого мистера Смита. В пьесе «Кто, если не ты!» Суглобова мой герой — предводитель группы хулиганов, уже успевший отбыть наказание. В «Орфее» по повести Жуховицкого «Легенда о Ричарде Тишкове» — Шурик, сподвижник современного «барда». Или вот, к примеру, «грациозная дрянь» Муаррон — приемный сын Мольера из «Кабалы святош»...

— И какого героя вы предпочитаете?

— Почти все сыгранные мною персонажи показаны в такой период жизни, когда происходит ее ломка. Они динамичны, открывают в себе что-то новое. И вместе с ними открывает «в себе себя» актер, зрители. Многие из героев только вступают в жизнь — со всеми ее сложностями и противоречиями — и переоценивают с новых позиций свои поступки, устремления.

Таковы и Ромео, и Сергей Кротов, и даже Муаррон — помните, как он падает на колени перед своим приемным отцом!..

Уже после спектакля мы разбирали отзывы, пришедшие в редакцию на работы красноярцев.

— Придется отрабатывать эти авансы, — сказал Вадим. — Спасибо за письма, теплые строки, советы. Это как раз и есть диалог со зрителем. Вот, например, подсказали интересный факт: существует экземпляр «Ромео и Джульетты», принадлежащий Льву Николаевичу Толстому. Там много иронических замечаний, пометок, — известно, что писатель не любил Шекспира. И вдруг — несколько зачеркнутых строк и сверху: «Кажется, случайная удача!». Это в том месте, где Ромео говорит, что никакая философия мира не сравнится с Джульеттой. Даже великий Толстой не мог победить правды этих строк!

По-моему, какой-то новый пласт можно вскрыть...

Интервью провел
А. МОСИН.

На снимке: В. Райкин.
Фото В. Инсанова.